Р.А. Бадиков

IN STATU REPROBATIONIS: ИСТОРИК ДАВИД БАЕВСКИЙ В ЦЕНТРЕ КАМПАНИИ ПО БОРЬБЕ С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ ИСТОРИИ ВКП(Б) 1931–1932 ГГ.[1]

Развитие советской исторической науки в 1930–1950-е гг. характеризовалось усилением роли политико-идеологических кампаний, призванных в репрессивном порядке утвердить сталинскую концепцию истории страны и правящей партии. Исследователи, оказавшиеся невольно, зачастую случайно, в центре подобных кампаний, подвергались общественному и профессиональному остракизму и были вынуждены искать пути (сценарии) преодоления соответствующего жизненного кризиса. Крайней формой преодоления являлся сценарий «бегства», предполагавший смену жертвами кампаний научной специализации. В статье на основе событийного комплекса из биографии деятеля историко-партийной науки 1920–1930-х гг., будущего доктора исторических наук, профессора Д.А. Баевского реконструируется специфика указанного сценария. Обвиненный в «троцкизме» в ходе кампании по борьбе с фальсификацией истории ВКП(б) 1931–1932 гг., Баевский по возвращении в 1937 г. из негласной ссылки в Москву неожиданно дистанцируется от научной разработки дореволюционной истории партии – темы, которая некогда возвысила его и низвергла до статуса изгнанного. Избрав сценарий «бегства» от политически небезопасной специализации, он обращается в начале 1940-х гг. к новой для себя проблематике экономических и промышленных преобразований в период утверждения советской власти. Рассмотрена трансформация научной специализации Баевского как представителя первого поколения историков-марксистов; предпосылки смещения его интереса в пользу историко-партийных исследований в 1926–1928 гг.; перипетии падения в 1931–1932 гг. и преодоления сопутствующего кризиса благодаря реализации в 1940–1945 гг. сценария транзита научной специализации. Формулируется вывод о жизнеспособности сценария «бегства» как формы преодоления исследователем статуса жертвы политико-идеологической кампании.

Ключевые слова: *сталинизм, политико-идеологические кампании, репрессии, история ВКП(б), партийные историки, интеллектуальная биография, Давид Баевский.*

Политико-идеологические кампании выступали сопутствующим и, по-видимому, неизбежным атрибутом развития советской исторической науки в сталинский период. Будучи фактором внеинституционального управления научным сообществом в 1930–1950-е гг., они в принудительном порядке способствовали общей корректировке (актуализации – деактуализации) тематического охвата текущих и потенциальных научных исследований, формированию набора теоретических подходов и трактовок, поощряемых или порицаемых на партийно-государственном уровне, ротации кадрового состава научных и учебных учреждений в интересах лиц, способных к принятию данной практики, при одновременной изоляции их коллег, обладающих конфликтным потенциалом.

Изоляция исследователей, оказавшихся в центре подобных кампаний, принимала на практике различные формы – от профессионального остракизма или увольнения до ссылки на периферию, запрета на публикационную работу, перемещения по сфабрикованным обвинениям в

[1] Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-030).

места лишения свободы. Так или иначе, тем из советских историков, которым удалось, несмотря на преследования, остаться в профессии и продолжить систематическую научную деятельность, доводилось пережить резкое падение репутационных позиций и искать пути адаптации к изменившимся не в их пользу жизненным реалиям.

Исследование сценариев преодоления субъектами (жертвами) сталинских политико-идеологических кампаний сопутствующего профессионального и общего жизненного кризиса представляет перспективное направление историографии советской исторической науки. Предпосылки актуализации проблемы заложены в ряде публикаций и специальных работ, вышедших в свет в последнее десятилетие. Среди них выделяются научные труды Е.С. Гениной, Е.А. Долговой, З.А. Исмаиловой, Я.А. Лазарева, В.А. Овчинникова, В.В. Тихонова о влиянии кампаний периода сталинизма на сообщество советских историков[2] и деформации под их давлением карьерных траекторий и научных представлений исследователей всесоюзного и республиканского/регионального уровня[3]. Несмотря на преимущественное внимание некоторых авторов к институциональной проблематике, эти работы в основном несут очевидный историко-биографический отпечаток. Интерес к личности отверженного историка на фоне переломной эпохи, его жизненным стратегиям и поискам остается неотъемлемой частью размышлений коллег о противоречиях советских политических практик второй четверти XX в.

В статье специфика преодоления специфического статуса жертвы – субъекта политико-идеологической кампании раскрывается на событийном комплексе из биографии молодого лидера историко-партийной науки 1920–1930-х гг. Давида Анатольевича Баевского (1898–1979), впоследствии – доктора исторических наук, профессора и старшего научного сотрудника Института истории Академии наук СССР. Подпав в 1931–1932 гг. под действие кампании по борьбе с фальсификацией истории ВКП(б)[4], призванной заложить основу сталинской концепции истории партии, Баевский – 33-летний ответственный сотрудник Института Ленина при ЦК ВКП(б) и Историко-партийного Института красной профессуры (ИКП) – стремительно теряет высокий профессиональный статус на фоне обвинений в популяризации «троцкизма»[5] и откомандировывается ЦК ВКП(б) в негласную ссылку на периферию. Таким образом, несмотря на многообещающий старт карьеры во время учебы в ИКП в 1925–1929 гг., ученый неожиданно лишается перспектив реализации своего потенциала в качестве историка партии.

В результате по возвращении в Москву в 1937 г. Баевский, отягощенный многолетними скитаниями в провинции, вынужденно корректирует сферу своих научных интересов. Благоразумно отказываясь к

[2] Долгова 2020; Тихонов 2016.
[3] Генина, Овчинников 2021: 277–295; Исмаилова 2018: 43–54; Лазарев 2024: 194–212.
[4] Кампания по борьбе с фальсификацией истории ВКП(б) – термин, применимый к событиям 1931–1932 гг. в протокольной документации Политбюро ЦК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 867. Л. 5).
[5] Чернобаев 2016: 105.

началу 1940-х гг. от раскрытия перипетий дореволюционной истории РСДРП 1903–1916 гг. и внутрипартийной фракционной борьбы в 1917 г., он сосредоточивается на изучении истории рабочего класса и экономических преобразований в годы утверждения советской государственности. Столь существенное изменение научной специализации представляет показательный пример преодоления ученым профессионального кризиса, связанного со статусом жертвы кампании 1931–1932 гг. Реализованный Баевским сценарий «бегства», транзита в пользу более безопасной и не менее востребованной сферы исследований, ставший логичным следствием его перехода в 1938 г. на работу в Институт истории АН СССР, оправдал себя. С середины 1940-х и вплоть до момента ухода из жизни в 1979 г. он сохранял за собой статус одного из ведущих исследователей экономической и промышленной политики большевиков в период революции 1917 г., Гражданской войны и становления СССР.

Профессиональное самоопределение и выбор первичной научной специализации. На протяжении карьеры Баевский дважды корректировал тематические приоритеты своих исследований: в 1926–1928 гг., вероятно, в силу карьерных соображений, и в 1940–1945 гг., в интересах преодоления статуса субъекта кампании 1931–1932 гг. и адаптации к работе в Институте истории АН СССР. История рабочего движения в России, к изучению которого ученый частично вернется после негласной ссылки 1932–1937 гг., была ранним научным увлечением этого яркого представителя школы М.Н. Покровского – организатора советской исторической науки. Разработку данной проблематики Баевский начал вскоре после ухода из Красной армии, будучи слушателем Комуниверситета имени Я.М. Свердлова в Москве в январе 1922 – июне 1923 гг.[6] Столичная среда была знакома начинающему историку. Зарю революционной эпохи он встретил студентом первого курса юридического факультета Московского университета (1916–1917 гг.). Продолжить учебу Баевскому помешал призыв в Русскую армию в мае 1917 г. Пребывание в родном Смоленске после демобилизации в мае 1918 г.[7] завершается для него в сентябре 1919 г. новой службой – в Красной армии – и отправкой на инженерные курсы командного состава в Москву, где Баевский в апреле 1920 г. вступает в РКП(б). По окончании обучения, в мае 1920 г., будущий историк был откомандирован на Западный фронт.

Баевский Д.А. Смоленск, май 1916 г. [ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 330. Д. 118. Л. 5]

[6] ГА РФ. Ф. Р-5221. Оп. 51. Д. 54. Л. 6, 14, 17б–17б об.
[7] ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 330. Д. 118. Л. 32.

Здесь он принял участие в Советско-польской войне в качестве лектора политотдела 15-й кавалерийской дивизии, бойца сводного коммунистического отряда и политрука роты 33-й стрелковой дивизии, в составе которой Баевский был интернирован в Восточной Пруссии[8]. После побега из лагеря военнопленных «Арис» и излечения от тифа Баевский приобщился к культурно-просветительской работе, проявив себя деятельным лектором и начальником отделения политического факультета Красноармейского университета 16-й армии в Могилеве. В результате весной 1921 г. ему удается занять престижную должность преподавателя 1-й Советской объединенной военной школы имени ВЦИК, базировавшейся в Московском Кремле, и партшколы учебной авто-мотобригады Московского военного округа[9]. Таков был путь, вновь приведший Баевского в научно-образовательное пространство Москвы, впрочем, сильно изменившееся с революционного 1917 г.

Баевскому, перешедшему в 1922 г. из армии на обучение в Комуниверситет имени Свердлова, посчастливилось оказаться в компании молодых людей со схожим фронтовым прошлым, находившихся на пути адаптации к мирной жизни. «Преобладали солдатские шинели и шлемы, – вспоминал однокурсник Баевского, историк А.Л. Сидоров, – в таких же костюмах были и девушки. Вот какая была аудитория!»[10]. На ценность учебного контингента с тяжелым, но достойным уважения довузовским опытом указывал научный руководитель Баевского по Комуниверситету, профессор Покровский: «…настоящая коммунистическая молодежь, почти сплошь, не исключая даже и женщин, прошедшая фронты, у нас есть. Жажда учения у нее колоссальная…»[11]. Именно под началом Покровского Баевский подготовил первый, масштабный труд в рамках первоначально избранной научной специализации – «История рабочей печати в России» (ч. 1. 1878–1907 гг.)[12]. Книга, опубликованная Баевским в должности научного сотрудника Комуниверситета[13] в 1923 г., стала для начинающего исследователя входным билетом в мир исторической науки.

Обучение в ИКП и обращение к «проблемной» теме истории РСДРП. Отправка Баевского по путевке ЦК РКП(б) в Ижевск в июне 1923 г., в распоряжение Вотского обкома РКП(б), где он последовательно возглавлял областную Совпартшколу 1-й и 2-й ступени и агитационно-пропагандистский отдел обкома, не сказалась отрицательно на научных перспективах историка. Весной 1924 г. он добивается направления на учебу в ИКП – ключевой центр подготовки историков-марксистов, созданный в Москве в 1921 г. Ректор ИКП Покровский проявил внимание к судьбе бывшего ученика, освободив его от сдачи одного из коллоквиумов (по русской истории) и утвердив в качестве вступительной ра-

[8] АРАН. Ф. 411. Оп. 58. Д. 476. Л. 10.
[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 139887. Л. 6.
[10] Сидоров 1970: 34.
[11] Покровский М. Институт красной профессуры (к первой годовщине) // Правда. 1922. № 273. 2 дек. С. 2.
[12] Баевский 1923.
[13] ГА РФ. Ф. Р-5221. Оп. 51. Д. 54. Л. 13, 15.

боты его книгу «История рабочей печати…». 1 октября 1925 г. Баевский становится слушателем исторического отделения ИКП[14].

С первых месяцев обучения Баевский концентрировался на научной деятельности, проявляя, видимо, избирательный интерес к посещению вводных семинаров первого курса, которые вел Покровский и философ Н.А. Карев. 8 марта 1926 г. в заявлении в адрес правления ИКП историк отмечал: «я в текущем учебном году работал над книгой "История рабочей печати в России"… В дальнейшем я намерен специализироваться по истории В.К.П. Т[ак] к[ак] я … мало работал в семинарии … то прошу правление зачесть мне за … доклад *(по семинару Покровского. – Р.Б.)* книгу…»[15]. Хотя Покровский поддержал это решение, продолжение книги «История рабочей печати…» (ч. 2. 1907–1914 гг.) Баевский в ИКП так и не передал. Неудачу с подготовкой второй части исследования мы связываем с переоценкой Баевским сферы научных интересов в конце первого – середине третьего курса (1926–1928 гг.). О наметившемся отказе от изучения истории рабочего движения – темы, приоритетной для Баевского с 1922 г. – свидетельствует содержание его докладов в рамках семинаров Покровского и историка К.А. Попова («Партия во время [Первой мировой] войны», 1927 г.; «Большевики и меньшевики в России и годы [Первой мировой] войны», 1928 г.) и проблематика работ, опубликованных ученым в это время[16].

Выбор в пользу историко-партийной специализации (история РСДРП в 1903–1916 гг. и внутрипартийной борьбы накануне и в ходе революции 1917 г.), более перспективной с карьерной точки зрения, но и «проблемной», как покажут события 1931–1932 гг., нашел итоговое выражение в теме диссертации Баевского, утвержденной 28 ноября 1928 г., – «Циммервальдская левая [группа]»[17]. К ее подготовке ученый приступил в начале 1928 г., по мере получения доступа к материалам Института Ленина при ЦК ВКП(б), куда он был направлен для прохождения практики. На момент выпуска из ИКП Баевскому, как и 11 его однокурсникам, не удалось завершить рукопись диссертации[18]. Тем не менее результаты соответствующей работы историк изложил в серии статей, подготовленных им в 1929 – начале 1931 гг.[19]

Разработка «проблемной» темы в Институте Ленина при ЦК ВКП(б) и служебное возвышение. Практика Баевского в Институте Ленина (прикреплен с 1 февраля 1928 г.) позволила ему не только сформировать источниковую базу исследований по левому коммунизму, но и приобщиться к знаковым для своей эпохи историко-партийным проектам. Здесь историк отредактировал и подготовил к печати XIX том (1916–1917 гг.) собрания сочинений В.И. Ленина, изданный в 1929 г.,

[14] ГА РФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 98. Л. 123.
[15] ГА РФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 195. Л. 17.
[16] Баевский 1927: 3–52; 1927а: 335–508.
[17] ГА РФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 336. Л. 17.
[18] ГА РФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 559. Л. 5.
[19] РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 44. Л. 196–206, 209–217; Баевский 1929: 12–48; 1929а: 31–37; 1930: 18–46.

поделился опытом изучения ленинского наследия на базе научно-исследовательской группы института[20] и написал к маю 1928 г. рукопись главы IV «Большевики и меньшевики в России в годы [Первой мировой] войны» для III тома издания «История ВКП(б)», вышедшего под редакцией влиятельного партийного историка Е.М. Ярославского[21]. При его поддержке Баевский в апреле 1928 г. вводится в редколлегию журнала Истпарта ЦК ВКП(б) «Пролетарская революция».

Благодаря деятельной работе по вновь избранной специализации на третьем – четвертом курсе Баевский по окончании ИКП, в мае–июне 1929 г., был назначен научным сотрудником в штат Института Ленина[22]. К началу учебного года он становится также преподавателем ИКП и председателем кафедры истории ВКП(б) Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской[23]. Приблизительно за год до начала кампании по борьбе с фальсификацией истории ВКП(б) карьера Баевского достигает своей вершины: 3 сентября 1930 г. он был утвержден в должности заместителя заведующего сектором истории Коминтерна Института Ленина[24] и почти одновременно, с 10 сентября, – заместителем директора по учебной работе Историко-партийного ИКП[25], развернутого месяцем ранее в структуре Института Ленина.

Кампания по борьбе с фальсификацией истории ВКП(б) и упадок карьеры. Успехи Баевского, восходящие к учебной практике в Институте Ленина, вместе с тем выступили основной предпосылкой его падения в ходе обострения полемики по истории большевизма на рубеже 1920–1930-х гг.[26] и сопутствовавшей ей кампании 1931–1932 гг., призванной обеспечить единообразие воззрений ученых, специализировавшихся на изучении истории РСДРП. Центральным элементом кампании явилась инициированная в октябре 1931 г. публичная критика авторов упомянутого ранее четырехтомного издания «История ВКП(б)» (1926–1930 гг.) во главе с Ярославским. Очернение научного коллектива как «школки троцкистских контрабандистов»[27], развернутое с одобрения И.В. Сталина, стало неожиданным ударом не только для Баевского, но и для его товарищей по проекту Д.Я. Кина, И.И. Минца, С.А. Пионтковского, А.Л. Сидорова, Н.Н. Эльвова и др., считавших редкой удачей свое участие в написании летописи свершений РСДРП.

Кульминацией «проработки» Ярославского и его коллег стало выступление члена Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича на собрании, посвященном 10-летию ИКП, 1 декабря 1931 г. «Коллектив, собравшийся под руководством т. Ярославского, – обобщил Каганович, – дал не

[20] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 93. Л. 6–27; Д. 98. Л. 1–6.
[21] История ВКП(б) 1929: 188–268.
[22] ГА РФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 195. Л. 2.
[23] ГА РФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 336. Л. 105; Д. 438. Л. 100; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 139887. Л. 5.
[24] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 74. Л. 3, 5, 19.
[25] ГА РФ. Ф. Р-5216. Оп. 2. Д. 11. Л. 134.
[26] Савельев 2017: 139–141.
[27] Мехлис 1932: 12.

объективную историю, а фальсифицированную в целом ряде моментов историю, подкрашенную под цвет троцкизма»[28]. В речи представителя партийной номенклатуры нашлось место для предъявления Баевскому, иронично прозванному «глубокомысленным "историком"», персонального обвинения в «троцкизме» в связи с неверным, по убеждению Кагановича, освещением вопроса «…о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую»[29]. Учитывая, что Баевский, вероятно, присутствовал на этом собрании как заведующий ключевым в Историко-партийном ИКП отделением истории ВКП(б)[30], критика одного из приближенных Сталина должна была произвести на него сильнейшее впечатление. Со временем «История ВКП(б)» будет отнесена к разряду «антисоветской литературы», а ее хранение вплоть до 1950-х гг. – считаться основанием для уголовного преследования[31].

Одновременно с подачи Сталина осенью 1931 г. набирает обороты акция, связанная с критикой и чисткой редколлегии журнала «Пролетарская революция» – одного из трех ведущих историко-партийных периодических изданий СССР. Основанием для репрессий послужила публикация в журнале в июне 1930 г. статьи историка А.Г. Слуцкого, шедшей вразрез с утверждавшимся сталинским каноном истории РСДРП[32]. Ответ главы государства на «антипартийную»[33] статью Слуцкого, оформленный в формате открытого письма в адрес редколлегии, появился, однако, лишь спустя полтора года. «…Попытки некоторых … "историков", – утверждал Сталин в письме, – протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать … решительный отпор. <…> Сами понимаете, что не дело редакции облегчать контрабандистскую деятельность подобных "историков" предоставлением им дискуссионной трибуны»[34]. Публикация в журнале в октябре 1931 г. письма Сталина финализировала работу редколлегии. Ее состав из пяти человек, включая Баевского, был распущен Секретариатом ЦК ВКП(б) 21 ноября 1931 г., а выпуск издания приостановлен до 1933 г.

Последующая критика субъектов кампании развернулась на площадках историко-партийных институций. Не избежал подобной участи и Баевский, в адрес которого были выдвинуты однотипные обвинения: Всесоюзным обществом старых большевиков – в троцкистских и полутроцкистских ошибках при «разработке вопроса о роли большевиков на международной арене» (собрание Московского отделения общества, декабрь 1931 г.)[35]; Обществом историков-марксистов, членом которого состоял Баевский, – в ошибках, обернувшихся трансляцией «троцкистских» тезисов и «попытке замазать свои ошибки» (пленум фракции

[28] Каганович 1932: 7.
[29] Каганович 1932: 6.
[30] ГА РФ. Ф. Р-5216. Оп. 2. Д. 11. Л. 70, 77 об. Перемещен на эту должность с 1 июля 1931 г.
[31] ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 30482. Л. 102, 104.
[32] РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 421. Л. 123–169; Слуцкий 1930: 37–74.
[33] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-48676 (Т. 1). Л. 12, 38, 53; Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 4597. Л. 10, 62.
[34] РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 2. Д. 68. Л. 16, 18; Сталин 1931: 11–12.
[35] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 7. Д. 74. Л. 73.

ВКП(б) Ленинградского отделения общества, ноябрь 1931 г.)[36]. Наиболее мощный поток критики обрушился на ученого от коллег по Историко-партийному ИКП. Среди обвинений в его адрес фигурировали: недостаточная «большевистская самокритика своих ошибок» и попытка «смазать значение письма т. Сталина» (партсобрание цеховой ячейки отделения партстроительства ИКП 21 ноября 1931 г.)[37], нежелание «по-большевистски признать свои крупнейшие ошибки политического и исторического характера…» (собрание партячейки ИКП 25 ноября 1931 г.)[38], наличие «в печатных работах … троцкистской контрабанды и грубейших извращений истории и теории большевизма» (собрание партячейки ИКП 22 декабря 1931 г.)[39].

Претензии, предъявленные Баевскому в ходе кампании, являлись обоснованными частично. Текст главы для III т. «Истории ВКП(б)», вызвавший наибольшее порицание из трудов ученого, в свое время заслужил высокую оценку знатока партийной истории Ярославского, внимательно контролировавшего работу авторского коллектива. В отзыве на главу (датирован 21 мая 1928 г.) он указывал: «Работу т. Баевского по истории ВКП/б/ считаю весьма ценной, добросовестной по тщат[ельной] обработке фактического материала и выдержанной в ленинском духе»[40]. В то же время переданную Баевскому на рецензирование 30 мая 1930 г.[41] рукопись Слуцкого, ученый, действительно, почти не подверг критике[42]. «…Я не сумел разглядеть в Слуцком, – сетовал Баевский 7 декабря 1931 г. в письме, адресованном редакции журнала «Большевик», – представителя передового отряда контрреволюционной буржуазии – троцкизма, под прикрытием "научного исследования" ведущего атаку против партии и Коминтерна. По моей вине агент классового врага получил возможность использовать в качестве трибуны …журнал "Пролетарская революция"»[43]. Впервые с критикой этой и других «ошибок» ученый выступил на одном из трех заседаний (11, 14, 18 ноября 1931 г.) бюро фракции ВКП(б) Общества историков-марксистов, которые были посвящены обсуждению письма Сталина.

С этого момента и до середины 1950-х самокритика стала для Баевского одним из сценариев обеспечения безопасности. «В моих литературных работах 1927–1931 гг., – указывал он, например, в автобиографии от 26 апреля 1946 г., – имеется ряд политических ошибок (см. мое письмо в ред[акцию] ж[урнала] "Большевик" в № 23–24 *(№ 22. – Р.Б.)* за 1931 г.[44]). Был в числе членов редколлегии журнала "Пролетарская революю-

[36] За большевистскую историческую науку 1931: 14.
[37] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 7. Д. 74. Л. 4.
[38] ГА РФ. Ф. Р-5216. Оп. 1. Д. 21. Л. 4; РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 7. Д. 74. Л. 7.
[39] ГА РФ. Ф. Р-5216. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.
[40] ГА РФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 195. Л. 1 об.
[41] РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
[42] РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 421. Л. 170–171.
[43] РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 2. Д. 116. Л. 1.
[44] Баевский 1931: 92–96.

ция", ответственным за помещение в нем статьи Слуцкого, разоблаченного в историческом письме тов. Сталина»[45].

Начавшаяся с преследования ряда столичных партийных историков, кампания по борьбе с фальсификацией истории ВКП(б) приобрела к декабрю 1931 г. всесоюзный масштаб. Значение ее было закреплено 8 января 1932 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), признавшего по инициативе Сталина как ведущего докладчика в рамках этого вопроса, что «…кампания за ликвидацию попыток фальсификации истории партии, – кампания нужная и долженствующая поднять сознательное отношение основных партийных кадров и наших историков к вопросам истории партии…»[46]. Завершение кампании пришлось на осень 1932 г., но благополучно дожить до этого времени в Москве Баевскому не удалось. На фоне усиления обвинений в «троцкизме» он был отстранен с 5 декабря 1931 г. от работы в Историко-партийном ИКП[47]. Более того, 17 января 1932 г. дирекция ИКП инициировала отмену созданных «под руководством Баевского и при непосредственном участии Кина и Минца *(уволены 15 ноября и 5 декабря 1931 г. – Р.Б.)*…» учебного плана и программы преподавания отделения истории ВКП(б) ввиду их противоречия «установкам, данным в письме т. Сталина и речи т. Кагановича…»[48] и «наличия … извращений» при освещении ряда вопросов[49].

Временным пристанищем для Баевского с января 1932 г. стал созданный во второй половине 1931 г. Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ), куда перешли кадры реорганизованного Института Ленина, включая ряд ученых, пострадавших в процессе кампании. Несмотря на сочувственное отношение к ним со стороны руководства ИМЭЛ[50], Баевский смог задержаться на новом месте в качестве научного сотрудника только до апреля 1932 г., после чего «решением ЦК ВКП/б/» был откомандирован на периферию, в негласную ссылку[51].

Негласная ссылка и финальная смена научной специализации. Последствия удара, связанного с кампанией 1931–1932 гг., Баевский – «отлученный» от научного пространства Москвы и лишенный стабильного доступа к историко-партийной источниковой базе – преодолевал с большими сложностями. Лишь после многолетних скитаний по периферийным должностям (инструктор Бежицкого горкома ВКП(б) Западной области (мае 1932 – сентябрь 1933 г.); директор Смоленского института марксизма-ленинизма (ИМЛ) (сентябрь 1933 – сентябрь 1935 г.); и.о. директора, профессор Горьковского ИМЛ (сентябрь 1935 – сентябрь 1936 г.; пропагандист управления Верхневолжского речного пароходства (сентябрь 1936 – июнь 1937 г.), он получил возможность вернуться в Моск-

[45] АРАН. Ф. 411. Оп. 58. Д. 476. Л. 9 об.
[46] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 867. Л. 5.
[47] ГА РФ. Ф. Р-5216. Оп. 2. Д. 11. Л. 9.
[48] ГА РФ. Ф. Р-5216. Оп. 1. Д. 45. Л. 2.
[49] ГА РФ. Ф. Р-5216. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.
[50] РГАСПИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.
[51] ГА РФ. Ф. Р-5146. Оп. 2. Д. 22. Л. 6; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 139887. Л. 5 об.

ву[52]. Работы в историко-партийных институциях он, очевидно, сторонился. На пике Большого террора Баевский состоял лишь скромным преподавателем истории в системе народного образования Свердловского района Москвы (сентябрь 1937 – апрель 1938 гг.), затем – в Московском областном педагогическом институте (апрель–сентябрь 1938 г.)[53]. Только в сентябре 1938 г. ученый смог обрести соответствующую его карьерным ожиданиям должность старшего научного сотрудника Института истории АН СССР.

Несмотря на присуждение Баевскому в 1935 г. ученого звания профессора и ученой степени кандидата исторических наук[54], годы, проведенные вне Москвы, стали потерянным временем для научного потенциала историка. Изданные им в период нахождения в ссылке труды, исключая брошюру 1934 г., основывались на старых материалах, относящихся еще к периоду подготовки диссертации в ИКП, и частично воспроизводили ранее изложенные Баевским научные выводы[55].

Не лучшим образом выделялась также первая статья Баевского после возвращения в Москву, ставшая элементом кампании по разгрому научной школы умершего в 1932 г. историка Покровского[56]. Отрицая наследие наставника, которого в период обучения в ИКП он считал «…образцом для научной смены – и не только для нее, но и для … всех новых партийных кадров»[57], Баевский одновременно становится участником громкой кампании по продвижению тенденциозного партийного учебника «Краткий курс истории ВКП(б)»[58].

Не исключено, что конформизм отчасти спас ученого от репрессий, жертвами которых в годы Большого террора стали его коллеги – историки партии Кин, Пионтковский, Эльвов и др. Так, в октябре 1938 г. Баевский был упомянут в адресованном Сталину сообщении Л.П. Берии в числе участников террористической «правотроцкистской организации», якобы действовавшей в 1930–1937 гг. в Историко-партийном ИКП[59]. Хотя документ содержит массу негативно маркированных маргиналий главы государства («Всех надо арестовать», «Ар[естовать]» и т.д.), личность вернувшегося в Москву ученого аналогичного внимания у Сталина не вызвала.

Вхождение Баевского в реалии новой, тенденциозной эпохи в развитии исторической науки после событий 1931–1937 гг. было крайне непростым. Научное значение множества опубликованных ранее трудов по истории РСДРП он вынужден был публично обесценить, признав

[52] ГА РФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 2691. Л. 2; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 99. Рег. бланк п/б № 0923775 (1936 г.). Л. 1; Оп. 100. Д. 139887. Л. 1, 3 об.
[53] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 107. Рег. бланк п/б № 00158769 (1954 г.). Л. 1 об.
[54] АРАН. Ф. 411. Оп. 58. Д. 476. Л. 20.
[55] РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 45. Л. 3–159; Д. 46. Л. 107–167; Д. 1104. Л. 56–73; Баевский 1934: 1–10; Баевский 1934a; Баевский 1934b: 14–47; Баевский 1935: 26–48.
[56] Баевский 1939: 427–459.
[57] Баевский 1928: 17.
[58] Шарова, Баевский, Сидоров 1939: 146–150.
[59] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина 2004: 573–574.

еще в декабре 1931 г. наличие в них политических ошибок, «которые искажают ряд моментов истории партии» и «…помогают троцкистским фальсификаторам истории ВКП(б) в их попытках протащить клевету»[60]. Трудности преследовали Баевского и при разработке новых историко-партийных исследований. Неудачей, например, завершилась попытка ученого издать под эгидой ИМЭЛ в качестве книги очерк истории парторганизации Западной области РСФСР «Первые десять лет (1897–1907 гг.)», написанный им еще в 1935 г.[61]

На этом фоне интеграция Баевского с 1938 г. в более предсказуемую и менее насыщенную партийным официозом среду Института истории АН СССР привела к тому, что ученый благоразумно оставляет в прошлом разработку «проблемной» темы (история РСДРП 1903–1916 гг. и внутрипартийной борьбы в 1917 г.), которая некогда низвергла его до пребывания in statu reprobationis[62]. Изменение научных приоритетов, предпринятое историком на рубеже 1930–1940-х гг., очевидно, носило не только личностный, но и институциональный характер, выступая способом адаптации Баевского к условиям работы в Институте истории АН СССР, сосредоточенного на изучении общеисторических вопросов и почти не разрабатывавшего историко-партийную проблематику.

«Бегство» от «проблемной» специализации дает свои результаты уже к 1940–1945 гг., когда в периодике на постоянной основе начинают выходить труды Баевского, затрагивающие экономическое развитие Советской России в годы Гражданской войны[63], промышленную политику большевиков и положение рабочего класса[64]. Смена научной специализации увенчалась защитой Баевским в Совете Института истории АН СССР 23 июня 1947 г.[65] докторской диссертации, которая была посвящена экономическим и промышленным преобразованиям периода утверждения советской государственности (1918–1921 гг.)[66]. Данная проблематика позже получила развитие в широко известных в свое время профильных монографиях ученого[67].

Таким образом, дистанцирование Баевского от глубоко мифологизированной, не вполне безопасной после 1931–1932 гг. сферы историко-партийных исследований, сочетавшееся с транзитом в иную предметную область на фоне начала деятельности в системе АН СССР, позволило историку к середине 1940-х гг. восстановить профессиональную репутацию, отягощенную кампанией и негласной ссылкой, и открыть себя для нового, наиболее успешного этапа научной карьеры.

---

[60] РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 2. Д. 116. Л. 2, 12.
[61] ГА РФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 2691. Л. 3, 7.
[62] Последнюю работу по истории партийного строительства Баевский опубликовал в 1941 г. (Баевский 1941: 3–21), после чего, по нашим данным, специально не возвращался к данной тематике.
[63] Баевский 1944: 36–42; Баевский 1945: 3–22.
[64] Баевский 1940: 139–146; Баевский 1942: 20–30.
[65] АРАН. Ф. 411. Оп. 58. Д. 476. Л. 12.
[66] Баевский 1947.
[67] Баевский 1957; Баевский 1974.

***

В центре политико-идеологических кампаний сталинского периода, формировавших многогранный и противоречивый контекст развития советской исторической науки 1930–1950-х гг., прежде всего находилась страта партийных историков, в одних случаях, жертв, в других – сторонников преследований и репрессивных подходов. В основном они были представителями школы профессора Покровского, предприимчивого первого поколения историков-марксистов, которое понесло в результате кампаний, по словам Л.А. Сидоровой, «огромный моральный ущерб», проявившийся в отказе от научно-исследовательской инициативы, приспособлении к историко-партийному официозу и избегании широких научных обобщений[68].

Кампания по борьбе с фальсификацией истории ВКП(б) 1931–1932 гг., призванная за счет репрессивных практик обеспечить единообразие научных взглядов историков, специализировавшихся на изучении РСДРП, была одним из первых мероприятий подобного плана. Последними в их череде выступили широко известные кампании по борьбе с «буржуазным объективизмом» 1947–1948 гг. и «космополитизмом» 1948–1953 гг.

Историки, оказавшиеся в центре репрессивных кампаний, использовали различные сценарии преодоления жизненного кризиса и сопряженной с ним волны преследований и притеснений. Крайней, неординарной формой преодоления представляется сценарий «бегства» (следуя образному выражению С.Г. Карпюка[69]), т.е. вынужденной смены исследователями научной специализации в условиях интенсификации политико-идеологического давления. «"Чистка" и "проработка" кадров, – утверждал в этой связи П.Ю. Савельев, – вели к тому, что исследователи предпочитали уходить в область археографии, сводя к минимуму высказывание своей точки зрения»[70]. Сценарий «бегства», однако, мог основываться не только на межпредметном транзите научных интересов (от общеисторических изысканий – к вспомогательным археографическим), но и предполагать избрание жертвами кампаний менее «проблемной» и идеологически безопасной по меркам сталинской эпохи научной специализации, соответствующей основному, не только вспомогательному предметному полю исторических исследований.

Раскрытый в статье событийный комплекс из биографии профессора Баевского, вынужденно дистанцировавшегося от изучения «проблемной» темы истории РСДРП 1903–1917 гг., подтверждает жизнеспособность сценария транзита научной специализации в упомянутом варианте. Реализуя его на рубеже 1930–1940-х гг. в интересах преодоления жизненного кризиса, обусловленного преследованиями в период кампании 1931–1932 гг., и адаптации к работе в Институте истории АН СССР, историк компенсировал репутационные потери, минимизировал риски и

[68] Сидорова 2011: 237.
[69] Карпюк 2021: 113.
[70] Савельев 2017: 152.

создал предпосылки для закрепления за собой в 1940–1970-е гг. статуса одного из ведущих, всесоюзных исследователей в границах новой, менее конъюнктурно обусловленной сферы научных интересов.

Данный сценарий Баевский, однако, совмещал с энергичным участием в кампаниях по разгрому научной школы своего учителя, профессора Покровского и продвижению учебника «Краткий курс истории ВКП(б)» в 1938–1939 гг. Сочетание ролей отверженного и преследователя отверженных, в зависимости от веяний времени, формирует трагический контекст восприятия не только личности Баевского, но и судеб первого поколения историков-марксистов, по итогам кампании 1931–1932 гг. в той или иной степени подчинивших свою научную деятельность воле тенденциозного политико-идеологического канона.

Баевский Д.А. Москва, 1954 [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 107. Отч. карточка п/б № 00158769]

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 411. Оп. 58. Д. 476.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-48676 (Т. 1); Ф. Р-5146. Оп. 2. Д. 22; Ф. Р-5216. Оп. 1. Д. 21; Д. 45; Д. 50; Оп. 2. Д. 11; Ф. Р-5221. Оп. 51. Д. 54; Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 98; Д. 195; Д. 336; Д. 438; Д. 559; Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 2691; Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 4597; Д. 30482.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 867; Оп. 99. Рег. бланк п/б № 0923775 (1936 г.); Оп. 100. Д. 139887; Оп. 107. Рег. бланк п/б № 00158769 (1954 г.); Отч. карточка п/б № 00158769 (1954 г.); Ф. 72. Оп. 1. Д. 6; Оп. 2. Д. 68; Д. 116; Оп. 3. Д. 44; Д. 45; Д. 46; Д. 421; Д. 1104; Ф. 89. Оп. 7. Д. 74; Ф. 155. Оп. 1. Д. 70; Ф. 347. Оп. 1. Д. 74; Д. 93; Д. 98.

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 330. Д. 118.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / сост. В.Н. Хаустов [и др.]. М.: МФД, 2004. 734 с.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Баевский Д. Большевики в борьбе за III Интернационал // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 12–48 [Baevskij D. Bol'sheviki v bor'be za III Internacional (The Bolsheviks in the Struggle for the III International) // Istorik-marksist. 1929. T. 11. P. 12–48].

Баевский Д. Большевики в Циммервальде // Пролетарская революция. 1935. № 5. С. 26–48 [Baevskij D. Bol'sheviki v Cimmerval'de (Bolsheviks in Zimmerwald) // Proletarskaja revoljucija. 1935. № 5. P. 26–48].

Баевский Д. Борьба большевиков против империалистической войны 1914–1918 гг. // Борьба классов. 1934. № 9. С. 1–10 [Baevskij D. Bor'ba bol'shevikov protiv imperialisticheskoj vojny 1914–1918 gg. (The Struggle of the Bolsheviks Against the Imperialist War of 1914–1918) // Bor'ba klassov. 1934. № 9. P. 1–10].

Баевский Д. Борьба Ленина против бухаринских «шатаний мысли» // Пролетарская революция. 1930. № 1. С. 18–46 [Baevskij D. Bor'ba Lenina protiv buharinskih «shatanij mysli» (Lenin's Struggle Against Bukharin's "Whirls of Thought") // Proletarskaja revoljucija. 1930. № 1. P. 18–46].

Баевский Д. В редакцию «Большевика» // Большевик. 1931. № 22. С. 92–96 [Baevskij D. V redakciju "Bol'shevika" (To the editorial office of "Bolshevik") // Bol'shevik. 1931. № 22. P. 92–96].

Баевский Д. Войны нам не надо! Антивоенная стачка 1916 года в Бежице: брошюра. Смоленск: Запгиз, 1934. 52 с. [Baevskij D. Vojny nam ne nado! Antivoennaja stachka 1916 go-

da v Bezhice: broshjura (We Don't Need War! The Anti-War Strike of 1916 in Bezhitsa: Brochure). Smolensk: Zapgiz, 1934. 52 p.].

Баевский Д. Из истории советского крестьянства (1918–1920 гг.) // Вопросы истории. 1945. № 5–6. С. 3–22 [Baevskij D. Iz istorii sovetskogo krest'janstva (1918–1920 gg.) (From the History of the Soviet Peasantry (1918–1920)) // Voprosy istorii. 1945. № 5–6. P. 3–22].

Баевский Д. Из истории строительства большевистской партии (октябрь 1917 – март 1919 г.) // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 3–21 [Baevskij D. Iz istorii stroitel'stva bol'shevistskoj partii (oktjabr' 1917 – mart 1919 g.) (From the History of the Construction of the Bolshevik Party (October 1917 – March 1919)) // Istorik-marksist. 1941. № 2. P. 3–21].

Баевский Д. Историк-большевик // Большевик. 1928. № 20. С. 8–17 [Baevskij D. Istorik-bol'shevik (The Bolshevik Historian) // Bol'shevik. 1928. № 20. P. 8–17].

Баевский Д. История рабочей печати в России. Вып. 1 (1878–1907 гг.). М.: Комуниверситет имени Я.М. Свердлова, 1923. 307 с. [Baevskij D. Istorija rabochej pechati v Rossii. Vyp. 1 (1878–1907 gg.) (History of the Workers' Press in Russia. Issue 1 (1878–1907)). Moscow: Komuniversitet imeni Ja.M. Sverdlova, 1923. 307 p.].

Баевский Д. Как ленинский «Империализм» увидел свет // Пролетарская революция. 1929. № 1. С. 31–37 [Baevskij D. Kak leninskij «Imperializm» uvidel svet (How Lenin's "Imperialism" Saw the Light) // Proletarskaja revoljucija. 1929. № 1. P. 31–37].

Баевский Д. Ленин и Циммервальдская левая // Борьба классов. 1934. № 3. С. 14–47 [Baevskij D. Lenin i Cimmerval'dskaja levaja (Lenin and the Zimmerwald Left) // Bor'ba klassov. 1934. № 3. P. 14–47].

Баевский Д. Ленинская и Каменевская оценка революции 1917 г. // Пролетарская революция. 1927. № 12. С. 3–52 [Baevskij D. Leninskaja i Kamenevskaja ocenka revoljucii 1917 g. (Lenin's and Kamenev's Assessment of the 1917 Revolution) // Proletarskaja revoljucija. 1927. № 12. P. 3–52].

Баевский Д. Народничество в освещении М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: сб. ст. Ч. 1. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1939. С. 427–459 [Baevskij D. Narodnichestvo v osveshhenii M.N. Pokrovskogo (Populism as Viewed by M.N. Pokrovsky) // Protiv istoricheskoj koncepcii M.N. Pokrovskogo: sb. st. Ch. 1. Moscow; Leningrad: Akad. nauk SSSR, 1939. P. 427–459].

Баевский Д. Начало восстановления Донбасса (1920 г.) // Исторический журнал. 1944. № 2–3. С. 36–42 [Baevskij D. Nachalo vosstanovlenija Donbassa (1920 g.) (The Beginning of the Restoration of Donbass (1920)) // Istoricheskij zhurnal. 1944. № 2–3. P. 36–42].

Баевский Д. Партия в годы империалистической войны // Очерки по истории Октябрьской революции / под общ. ред. М.Н. Покровского. Т. 1. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 335–508 [Baevskij D. Partija v gody imperialisticheskoj vojny (The Party During the Imperialist War) // Ocherki po istorii Oktjabr'skoj revoljucii / pod obshh. red. M.N. Pokrovskogo. T. 1. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, 1927. P. 335–508].

Баевский Д. Рост военной мощи советского государства // Исторический журнал. 1942. № 10. С. 20–30 [Baevskij D. Rost voennoj moshhi sovetskogo gosudarstva (The Growth of the Military Power of the Soviet State) // Istoricheskij zhurnal. 1942. № 10. P. 20–30].

Баевский Д. Форпост революции // Историк-марксист. 1940. № 2. С. 139–146 [Baevskij D. Forpost revoljucii (Outpost of the Revolution) // Istorik-marksist. 1940. № 2. P. 139–146].

Баевский Д.А. Очерки по истории социалистического строительства периода гражданской войны (ноябрь 1919 – март 1921 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. М., 1947 [Baevskij D.A. Ocherki po istorii socialisticheskogo stroitel'stva perioda grazhdanskoj vojny (nojabr' 1919 – mart 1921 gg.) (Essays on the History of Socialist Construction During the Civil War (November 1919 – March 1921)). Dis. ... dokt. ist. nauk. Moscow, 1947].

Баевский Д.А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны. М.: Изд-во Акад. наук, 1957. 447 с. [Baevskij D.A. Ocherki po istorii hozjajstvennogo stroitel'stva perioda grazhdanskoj vojny (Essays on the History of Economic Construction During the Civil War). Moscow: Izd-vo Akad. nauk, 1957. 447 p.].

Баевский Д.А. Рабочий класс в первые годы Советской власти (1917–1921 гг.). М.: Наука, 1974. 336 с. [Baevskij D.A. Rabochij klass v pervye gody Sovetskoj vlasti (1917–1921) (The Working Class in the First Years of Soviet Power (1917–1921). Moscow: Nauka, 1974. 336 p.].

Генина Е.С., Овчинников В.А. Историк – «космополит» И.П. Шмидт: страницы биографии // Журнал фронтирных исследований. 2021. Т. 6. № 4. С. 277–295 [Genina E.S., Ovchinnikov V.A. Istorik – «kosmopolit» I.P. Shmidt: stranicy biografii (Historian – "cosmopolitan" I.P. Schmidt: Pages of Biography) // Zhurnal frontirnyh issledovanij. 2021. T. 6. № 4. P. 277–295].

Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020. 469 с. [Dolgova E.A. Rozhdenie sovetskoj nauki: uchenye v 1920–1930-e gg. (The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s–1930s). Moscow: RGGU, 2020. 469 p.].

За большевистскую историческую науку // Проблемы марксизма. 1931. № 8–9. С. 12–17 [Za bol'shevistskuju istoricheskuju nauku (For Bolshevik Historical Science) // Problemy marksizma. 1931. № 8–9. P. 12–17].

Исмаилова З.А. Кампания по борьбе с космополитами в исторической науке в 1948–1953 гг. и роль в ней М.В. Нечкиной // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1 (35). С. 43–54 [Ismailova Z.A. Kampanija po bor'be s kosmopolitami v istoricheskoj nauke v 1948–1953 gg. i rol' v nej M.V. Nechkinoj (The Campaign to Combat Cosmopolitans in Historical Science in 1948–1953 and the Role of M.V. Nechkina in It) // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 1 (35). P. 43–54].

История ВКП(б) / под общ. ред. Е.М. Ярославского. Т. III / сост. Д. Баевский, Г. Вакс, А. Сидоров и др. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 270 с. [Istorija VKP(b) (History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)) / pod obshh. red. E.M. Jaroslavskogo. T. III / sost. D. Baevskij, G. Vaks, A. Sidorov i dr. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, 1929. 270 p.].

Каганович Л. За большевистское изучение истории партии // На культурном фронте. 1932. № 1–2. С. 2–9 [Kaganovich L. Za bol'shevistskoe izuchenie istorii partii (For the Bolshevik Study of Party History // Na kul'turnom fronte. 1932. № 1–2. P. 2–9].

Карпюк С.Г. Бегство от античности: казус Дилигенского // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1 (52). С. 113–117 [Karpjuk S.G. Begstvo ot antichnosti: kazus Diligenskogo (Escape from Antiquity: the Diligensky Case) // Vestnik Permskogo universiteta. Istorija. 2021. № 1 (52). P. 113–117].

Лазарев Я.А. Идеологическая кампания или роковая случайность? Дискуссии 1928–1930 гг. и крах карьеры историка М.И. Яворского // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2024. Т. 26. № 2. С. 194–212 [Lazarev Ja.A. Ideologicheskaja kampanija ili rokovaja sluchajnost'? Diskussii 1928–1930 gg. i krah kar'ery istorika M.I. Javorskogo (Ideological Campaign or Fatal Accident? Discussions of 1928–1930 and the Collapse of the Career of the Historian M.I. Yavorsky) // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki. 2024. T. 26. № 2. P. 194–212].

Мехлис Л. За ликвидацию отставания исторического фронта // Большевик. 1932. № 5–6. С. 10–17 [Mehlis L. Za likvidaciju otstavanija istoricheskogo fronta (For the Elimination of the Lag of the Historical Front) // Bol'shevik. 1932. № 5–6. P. 10–17].

Савельев П.Ю. Генезис Российской социал-демократической рабочей партии: проблемы историографии и источниковедения. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2017 [Savel'ev P.Ju. Genezis Rossijskoj social-demokraticheskoj rabochej partii: problemy istoriografii i istochnikovedenija (Genesis of the Russian Social Democratic Labor Party: Problems of Historiography and Source Studies). Dis. ... dokt. ist. nauk. Moscow, 2017].

Сидоров А.Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1970. 221 с. [Sidorov A.L. Istoricheskie predposylki Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii (Historical Prerequisites for the Great October Socialist Revolution). Moscow: Nauka, 1970. 221 p.].

Сидорова Л.А. М.Н. Покровский и поколение «красных профессоров» // Будущее нашего прошлого: мат. Всероссийской научной конференции (Москва, 15–16 июня 2011 г.) / отв. ред. А.П. Логунов. М.: РГГУ, 2011. С. 229–240 [Sidorova L.A. M.N. Pokrovskij i pokolenie «krasnyh professorov» (M.N. Pokrovsky and the Generation of "Red Professors") // Budushhee nashego proshlogo: mat. Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Moskva, 15–16 ijunja 2011 g.) / otv. red. A.P. Logunov. Moscow: RGGU, 2011. P. 229–240].

Слуцкий А. Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса // Пролетарская революция. 1930. № 6. С. 37–74 [Sluckij A. Bol'sheviki o germanskoj social-demokratii v period ee predvoennogo krizisa (The Bolsheviks on German Social Democracy During its Pre-War Crisis) // Proletarskaja revoljucija. 1930. № 6. P. 37–74].

Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма // Пролетарская революция. 1931. № 6. С. 3–12 [Stalin I.V. O nekotoryh voprosah istorii bol'shevizma (On Some Questions in the History of Bolshevism) // Proletarskaja revoljucija. 1931. № 6. P. 3–12].

Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с. [Tihonov V.V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaja istoricheskaja nauka (seredina 1940-h – 1953 g.) (Ideological Campaigns of "Late Stalinism" and Soviet Historical Science (Mid-1940s – 1953)). Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istorija, 2016. 424 p.].

Чернобаев А.А. Историки России конца XIX – начала XXI века: биобиблиографический словарь. Т. 1. М.: Собрание, 2016. 512 с. [Chernobaev A.A. Istoriki Rossii konca XIX – nachala XXI veka: biobibliograficheskij slovar' (Historians of Russia of the Late 19th – Early 21st Centuries: A Biobibliographic Dictionary). T. 1. Moscow: Sobranie, 2016. 512 p.].

Шарова П., Баевский Д., Сидоров А. Почему игнорируются директивы партии и правительства? // Историк-марксист. 1939. № 1. С. 146–150 [Sharova P., Baevskij D., Sidorov A. Pochemu ignorirujutsja direktivy partii i pravitel'stva? (Why are Party and Government Directives Ignored?) // Istorik-marksist. 1939. № 1. P. 146–150].

Бадиков Роман Андреевич, *кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр изучения войн и их последствий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; rbadikov@hse.ru.*

In statu reprobationis: Historian David Baevsky at the Centre of the Campaign Against the Falsification of the History of the CPSU(b) in 1931–1932

The development of Soviet historical science in the 1930s–1950s was characterized by an increasing role of political and ideological campaigns designed to repressively confirm the Stalinist conception of the country's and ruling party's history. Researchers who found themselves involuntarily, and often accidentally, at the center of such campaigns faced public and professional ostracism and had to find ways to overcome the resulting personal crisis. The extreme form of vanquishment was the scenario of "escape", implying a change of the victims' scientific specialisation under political and ideological pressure. This article reconstructs such a scenario based on the life of David Baevsky, activist of Communist Party historical research in the 1920s–1930s, Doctor of historical sciences, and Professor. Accused of "Trotskyism", Baevsky, after returning from exile in 1937, chose the scenario of "escape" from a politically insecure specialisation and turned to studying the problems of the country's economic and industrial transformation. The paper explores the transformation of Baevsky's scientific specialisation, the downfall in 1931–1932, and his overcoming of the resulting crisis. A conclusion is drawn about the viability of the "escape" scenario as a means of evading a researcher's status as a victim in political-ideological campaigns.

Keywords: *Stalinism, political and ideological campaigns, repressions, history of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), party historians, intellectual biography, David Baevsky*

Badikov Roman Andreevich*, PhD in History, Research Fellow, Center for the Study of Wars and Their Consequences, National Research University Higher School of Economics (Moscow); rbadikov@hse.ru.*